

Местное самоуправление Китая в системе мобилизационных механизмов противодействия COVID-19 (кейс г. Ухань)¹

Капицын Владимир Михайлович²

Доктор политических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация.

E-mail: kapizin@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [4806-5341](#)

ORCID ID: [0000-0002-9693-6844](#)

Емельянова Наталья Николаевна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация.

E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [3752-4559](#)

ORCID ID: [0000-0002-0039-2206](#)

Каратеев Артем Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация.

E-mail: artem.karateev@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [3028-3191](#)

ORCID ID: [0000-0002-8930-8807](#)

Ван Яо

Кандидат политических наук, доцент, Чэндуский университет традиционной китайской медицины, Чэнду, Китайская Народная Республика.

E-mail: yourwonder2002@hotmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности мобилизационных механизмов Китая, выделяются практики местного самоуправления в экстремальных условиях. На примере города Ухань — административного центра провинции Хубэй, крупного транспортного узла — показана мобилизация местных сообществ на борьбу с новым коронавирусом в первой половине 2020 г. Территориальный подход, ситуационный анализ с политико-географической локализацией объекта исследования (кейс г. Ухань) позволяют раскрыть роль местного самоуправления как важной части всей системы мобилизационных механизмов в борьбе с новым коронавирусом. При этом авторы не отрывают анализ городских событий от изучения усилий всей страны в борьбе с COVID-19. В качестве теоретической основы исследования выступают теория секьюритизации и концепция «консультативного авторитаризма». Позитивистский и реалистский подходы к безопасности не могут полноценно раскрыть меру опасности, которую должны осознать широкие слои общества. Это ослабляет мобилизацию населения. Чтобы мобилизовать общество на борьбу с опасностью, необходимо умелое использование информационных ресурсов для воздействия на сознание людей, чтобы они поняли размер угрозы. Это тем более актуально для такой угрозы, как опасный вирус. Мощный информационный «заряд» — компонент системы мобилизационных механизмов, что вписывается в рамки теории секьюритизации. Теория «консультативного авторитаризма» раскрывается на примере чрезвычайной ситуации в г. Ухань, где государственная власть взаимодействовала с местным «сетевым» самоуправлением, корректировала контент социальных сетей, чтобы предотвратить панику и обеспечить эффективное проведение карантина в городе. Все это дало возможность государству подготовить условия для вакцинации и других мероприятий в довольно успешном противостоянии COVID-19.

Ключевые слова

Местное самоуправление, комитеты городских жителей, COVID-19, мобилизационные механизмы, Ухань, Китай.

Local Self-Government of China in the System of Mobilization Mechanisms to Counter COVID-19 (Case of Wuhan)³

Vladimir M. Kapitsyn⁴

DSc (Political Sciences), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: kapizin@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-9693-6844](#)

Natalia N. Emelyanova

PhD, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

ORCID ID: [0000-0002-0039-2206](#)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31210 «Мобилизационные механизмы современных государств в условиях эпидемиологических угроз (сравнительный анализ опыта противодействия пандемии COVID-19)».

² Корреспондирующий автор.

³ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31001 "Mobilization mechanisms of modern states in the face of epidemiological threats (comparative analysis of the experience of countering the COVID-19 pandemic)".

⁴ Corresponding author.

Artem Y. Karateev

PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: artem.karateev@gmail.com

ORCID ID: [0000-0002-8930-8807](https://orcid.org/0000-0002-8930-8807)

Yao Wang

PhD, Associate Professor, Chengdu University of Traditional Chinese Medicine, Chengdu, People's Republic of China.

E-mail: yourwonder2002@hotmail.com

Abstract

The article shows the features of China's mobilization mechanisms, highlighting the practices of local self-government in extreme conditions. Using the example of the city of Wuhan — the administrative center of Hubei Province, a major transport hub — the mobilization of local communities to fight the new coronavirus in the first half of 2020 is analysed. The territorial approach, situational analysis with the political and geographical localization of the research object (the Wuhan case) allow us to reveal the role of local government as an important part of the entire system of mobilization mechanisms in the fight against the new coronavirus. At the same time, the authors do not detach the analysis of urban events from studying the efforts of the whole country in the fight against COVID-19. The theory of securitization and the concept of "consultative authoritarianism" serve as the theoretical basis of the study. Positivist and realistic approaches to security cannot fully reveal the extent of the danger that the broad strata of society should realize. This weakens the mobilization of the population. In order to mobilize society to fight the danger, it is necessary to use information resources to influence people's minds so that they understand the scope of the threat. This all is mostly relevant for such a threat as a dangerous virus. A powerful information "charge" is a component of the system of mobilization mechanisms, which fits into the framework of the securitization theory. The theory of "consultative authoritarianism" is revealed by the example of the emergency situation in Wuhan, where the state government interacted with the local "network" self-government, adjusted the content of social networks to prevent panic and ensure effective quarantine in Wuhan. All this made it possible for the state to prepare the conditions for vaccination and other measures in a successful resistance to COVID-19.

Keywords

Local self-government, committees of urban residents, COVID-19, mobilization mechanisms, Wuhan, China.

Введение

Борьба Китая с пандемией COVID-19 в 2020 г. — одна из драматических страниц истории, привлекающая пристальное внимание в мире. В то же время данный опыт вызывает в разных странах как позитивные отклики, так и довольно спорные суждения [Демчук и др. 2021].

Цель данного исследования — показать особенности мобилизационных механизмов Китая на примере практики местного самоуправления в экстремальных условиях борьбы с COVID-19. Объект исследования — борьба государства и общества с новым вирусом. Предмет исследования — роль мобилизационных механизмов местного самоуправления Китая в этой борьбе (в основе — кейс г. Ухань провинции Хубэй, первая половина 2020 г.)

Методы исследования — территориальный подход и ситуационный анализ, предполагающий политико-географическую локализацию масштабного события в определенный период времени (метод кейсов, или конкретных ситуаций). При таком подходе выбирается локализованное событие, не отдаленное по времени от самого исследования, что позволяет с большей достоверностью ответить на вопросы «как» и «почему» в г. Ухань удалось провести эффективную эпидемиологическую операцию, определившую успех всей страны. Локализация события может давать исследователю «ключ» для анализа «целого» — политики Китая в преодолении угроз пандемии на всей территории страны. Такой территориальный подход к изучению противодействия пандемии (в самом ее начале) довольно распространен [Ren 2020].

Источниками служат документы Коммунистической партии Китая (КПК) и правительства, органов власти г. Ухань, научные статьи, материалы СМИ и информационных ресурсов на русском, английском и китайском языках о борьбе с COVID-19 в Китае в целом и в г. Ухань в частности.

Теоретической основой исследования является концепция мобилизационных механизмов в экстремальных условиях, а также теории секьюритизации, «консультативного авторитаризма» и «консультативной демократии» [Зайцев 2020, 38–39]. Теория секьюритизации исходит из недостаточности позитивистского и реалистского подходов к безопасности. Первый сфокусирован на достоверности опытного знания, второй — на возможностях силового фактора, в связи с чем они

не всегда полноценно раскрывают меру опасности, которую должны осознать широкие слои общества. Чтобы мобилизовать общество на борьбу с опасностью, с точки зрения теории секьюритизации необходимо умелое использование информационных ресурсов для воздействия на сознание людей, чтобы они поверили властям и воспротивились опасным планам каких-либо авантюристов и т.д. Настроение масс с фокусировкой на опасности тем более актуально в борьбе с такой коварной угрозой, как опасный вирус. Комплекс мер должен включать мощный информационный «заряд» как составляющую мобилизационного механизма противостояния угрозе, что вписывается в рамки теории секьюритизации. Теория «консультативного авторитаризма» неизменно вызывает интерес и получает позитивные оценки, в том числе в западных и восточных странах [Teets 2013; Wang 2016]. В статье положения данной теории раскрываются под особым углом зрения (восприятие политики государства в общинах и на низовом уровне управления) при анализе опыта местного «сетевого» самоуправления г. Ухань в условиях чрезвычайной ситуации.

Термин «местное самоуправление» используется в Китае в соответствии с цивилизационным опытом, значительно отличающимся от западного и больше похожим на советский опыт местного управления. Местное самоуправление в Китае упоминается в разных аспектах: в качестве проявления территориальной автономии крупных административных образований и как участие граждан в управлении в малых локусах — деревнях, городских районах и кварталах.

Первый аспект — это национальное территориальное самоуправление в автономных районах, автономных округах, автономных уездах. В китайском языке слово «автономный район» близко по значению *dìfāng zhèngfǔ* или *dìfāng zìzhì* (местное самоуправление) и *lǐngtǔ zìzhì* (территориальное самоуправление). Население таких территорий наделяется несколько более широкими правами самоуправления, чем на других территориях⁵. В КНР, помимо 23 провинций, где проживает в основном ханьское население, есть также 5 автономных районов, где высока доля граждан неханьского происхождения (Синьцзян-Уйгурский, Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйский, Тибетский, Гуанси-Чжуанский); образовано также 30 автономных округов и более 120 автономных уездов⁶.

Второй аспект — самоуправление в специальных административных районах Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь), исторических районах, бывших ранее в колониальном управлении Великобритании (до 1997 г.) и Португалии (до 1999 г.) соответственно. В данном случае «местное самоуправление» означает воплощение особого административного статуса.

Третий аспект — участие жителей в решении вопросов «на местах», местное самоуправление в сельской местности и городах. КПК поставила цель создать в каждом городе, уезде, деревне единицы самоуправления, помогающие органам госуправления на местах решать народнохозяйственные задачи [Ван, Капицын 2013].

Авторы статьи исследуют именно последний аспект применения данного термина на примере г. Ухань (провинция Хубэй) в период зимы–весны 2020 г., где после вспышки заражения вирусом COVID-19 вводился карантин, шла «народная война» с опасной инфекцией, проявилась «цифровая бдительность» жителей, цензура откликов на эпидемию в социальных сетях и др. Местное самоуправление стало элементом системы мобилизационных механизмов общества, государства, КПК.

⁵ Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. Глава III, раздел 6 «Органы самоуправления в районах национальной автономии» // Chinalaw.Center [Электронный ресурс]. URL: <https://chinalaw.center/constitutional-law/china-constitution-revised-2018-russian/> (дата обращения: 12.10.2021); Закон Китайской Народной Республики «О национальной районной автономии» от 31 мая 1984 г. // Китайская Народная Республика. Законодательные акты / Сост. К.А. Егоров; Под ред. А.М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1989. С. 49–66.

⁶ Национальная районная автономия в Китае // China.org.cn [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/166260.htm> (дата обращения: 23.10.2021).

Мобилизационные механизмы в борьбе с COVID-19 в Китае включают в себя политическую волю, проводимую с помощью многоуровневой системы мер, повышающих доверие граждан к власти, консолидирующих их с целью совместных действий для выполнения срочных общих задач. Волевые усилия инициируют процедуры принятия своевременных и оптимальных решений по нахождению и использованию соответствующих финансовых, организационных, информационных, духовных и кадровых ресурсов. Такие усилия обеспечивают лидеры государства, центральные, провинциальные и местные органы управления. Это мотивирует и сплачивает общество, обеспечивает целенаправленное эффективное подключение потенциала организаций и администраций всех уровней, местного самоуправления, жителей и трудовых коллективов, ведет к коллективным и индивидуальным действиям по реализации поставленных целей.

Таким образом, мобилизационные механизмы — это управляющая система, выполняющая координационные, распорядительные, информационные, мотивационные функции, сплачивающие сообщества для устранения угроз. Гипотеза исследования заключается в том, что в Китае важное звено мобилизационных механизмов — это китайские общины shèqū (шэцзюй), поддерживающие режим «консультативного авторитаризма». Шэцзюй в свое время стали избирать комитеты жителей городских районов и улиц, довольно органично взаимодействующие с низовыми партийными организациями [Котельникова 2010, 146]. Сюй Юн называет такую связь «осью», на которой держится сложная конструкция общин [Ху 2008], ставших важнейшим элементом «консультативного авторитаризма» в китайском понимании.

Местное самоуправление в Китае

Опыт местного самоуправления в КНР начинался с сельских народных коммун (1950–1970-е гг.), затем деревенских комитетов (1980-е гг.), что регулировалось в соответствии с Законом о деревенских комитетах 1987 г. (в ред. 1998 г.). Члены этих комитетов избирались крестьянами и отвечали перед ними за положение дел в деревне [Хя 2011]. В городских районах были созданы городские комитеты жителей (shìqū jūmín wěiyuánhui). В соответствии с принятым Законом, «Комитеты городского населения — низовые массовые самоуправляемые организации населения, создаваемые для самоуправления, самообразования и самообслуживания»⁷. Такие комитеты внедрялись в территориальные общины (шэцзюй) как самоуправление жителей в поселениях (районное, уличное).

В Китае как централизованном государстве опыт самоуправления распространялся постепенно под руководством ЦК КПК, центрального правительства, субрегионального руководства. Следовали принципу «градуализма»: сначала апробация в отдельных регионах, изучение опыта, затем опыт распространялся на остальной территории. Община фактически находится под руководством районного (уличного) офиса, где располагается данный комитет (jiědào bànshì chù). Комитеты избираются жителями на 3 года, утверждаются правительством города, на своей территории представляют интересы около 100–600 семей.

Комитеты жителей решают проблемы социальной помощи одиноким, инвалидам, сиротам, детским домам, домам престарелых, регулируют бытовые споры, участвуют в охране общественного порядка (помощь прокуратуре, судам, полиции), организации взаимопомощи, разрешении семейных и гражданских споров, оказании культурных и спортивных услуг (организация культурных представлений, спортивных мероприятий, внешкольных мероприятий, создание «комнат культуры»), воспитании молодежи (уважение к старшим, забота о детях,

⁷ Закон Китайской Народной Республики «Об организации комитетов городского населения». Статья 2 (в ред. 2018 г.) // Chinalaw.Center [Электронный ресурс]. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_urban_committees_organic_law_revised_2018_russian/ (дата обращения: 14.11.2021).

борьба с вредными привычками, патриотическое воспитание), предоставлении рекомендаций по планированию семьи, иммунизации и др. Они имеют право заниматься хозяйственным обслуживанием района, создают малые предприятия (прачечные, столовые, лавки, парикмахерские), способствуют оказанию социальных услуг (детские ясли, дома престарелых, медицинские пункты).

Функционирует также и более низовой уровень — уличные комитеты (jīèdào wěiyuánhùi), сочетающие местное самоуправление и четвертый уровень административного деления в больших районах городов. Если проводить параллели с российским опытом, то в уличных комитетах жителей просматриваются отдельные черты, присущие территориальному общественному самоуправлению в России (ТОС), но с участием чиновника в качестве руководителя. Все это отражает поиск форм реально функционирующей социолокальной взаимопомощи, то есть сообществ, в которых, в отличие от российских «старших по дому», «старших по подъезду», руководители включены в низовые структуры государственного управления и способны, в соответствии с традициями и реальными задачами, обеспечивать потребности жителей. Общины (шэцзюй) дополняются органом управления (комитетом жителей) и руководящим влиянием местной партийной организации [Jue 2021, 3]. Существуют и более мелкие локальные части сообществ, например «соседства» в отдельных домах или даже подъездах.

На уровне городов местные органы и партийные организации получают возможность в чрезвычайных ситуациях взаимодействовать и направлять деятельность локальных учреждений, включая, помимо названных комитетов жителей, компании по управлению имуществом, ассоциации домовладельцев. Привлекаются также «волонтеры», направляемые правительственными учреждениями [Ren 2020].

Такие элементы «местного самоуправления» становятся одним из механизмов «консультативного авторитаризма».

Ухань на переднем крае мобилизации

Знакомство с кейсом г. Ухань раскрывает экономико- и социально-географические, а также временные факторы, повлиявшие на быстроту распространения новой инфекции. Ухань — город на р. Янцзы (11,2 млн жителей; на начало карантина выехало около 2 млн), административный центр провинции Хубэй. По уровню процветания промышленности и торговли Ухань входит в класс 15 «новых высокоразвитых индустриальных городов» [Ерохина, Чжан 2018, 2]. Это важный транспортный узел, что объясняет мобильность населения и частоту контактов с инфицированными. Установлено, что в январе–феврале 2020 г. по мере отдаления от города в рамках провинции Хубэй (около 60 млн жителей) количество заболевших заметно уменьшалось⁸. Распространению вируса способствовал и временной фактор — предпраздничный рост мобильности населения: перед европейским Новым годом и особенно перед праздником по лунному календарю (в 2020 г. он пришелся на 22 января).

При возникновении очага инфекции в г. Ухань не удалось избежать рассогласованности управления. Растерянность властей на местах, попытки скрыть случаи заболевания от вышестоящего начальства и общественности, ажиотаж СМИ и социальных сетей — все это затрудняло противостояние распространению инфекции. После эпидемии SARS 2003 г. в Китае создали централизованную систему оповещения о чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения [Huang, Smith 2010]. Но медики г. Ухань в случае с COVID-19

⁸ Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // WHO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/who-china-joint-mission-on-covid-19-final-report.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).

сначала уведомляли муниципальную комиссию здравоохранения, где власти, видимо, задержали информацию, пытаясь разобраться на месте [Qian, Hanser 2021, 56]. Отдельных чиновников уволили. В западной прессе писали о предстоящем «Чернобыле» в интернете для руководства Китая⁹.

Но правительство и руководство КПК взяли ситуацию под контроль и развернули кампанию по устранению очага инфекции в городе. На основе событий, связанных с этим городом, официальная «Белая книга», изданная в Китае в 2020 г., определила периодизацию «народной войны» с вирусом.

Уже на 1-ом этапе (27 декабря 2019–19 января 2020) оперативно сработали вирусологи. Компания Vision Medicals из Гуанчжоу к 27 декабря 2019 г. расшифровала часть генома вируса и заявила, что он имеет значительное сходство с коронавирусом SARS 2003 г. С конца декабря 2019 г. были повышены показатели диагностического тестирования и клинического наблюдения; с начала января 2020 г. обеспечено производство диагностических комплектов и развернуто тестирование. Официальная расшифровка генома COVID-19 завершилась 2 января 2020 г. Значительный вклад внесли Уханьский НИИ вирусологии Академии Наук КНР, Центр контроля и профилактики заболеваний провинции Хубэй, Клинический центр общественного здоровья (г. Шанхай) [Кашин и др. 2020].

ЦК КПК и правительство после этого создали Центральную руководящую группу для противодействия и профилактики эпидемии и контроля за процессом (ЦРГ) с правом взаимодействия со всеми структурами КПК и властями в центре и на местах. ЦРГ стала ядром системы мобилизационных механизмов, дала толчок к консолидации усилий на всех уровнях. Соответственно, в г. Ухань создали Командный центр по профилактике и борьбе с коронавирусом. Важную роль сыграло министерство здравоохранения, к 10 января 2020 г. разработавшее протоколы наблюдения, эпидемиологического расследования, лечения и лабораторного тестирования. Одновременно активизировались чиновники, работающие со СМИ: была развернута «корректировка» выражения настроений в социальных сетях, чтобы предотвратить панику среди населения. В мобилизации жителей основную роль играло местное самоуправление в г. Ухань и на территории всей провинции Хубэй.

II этап «народной войны» (20 января–20 февраля 2020) начался с того, что Национальная комиссия здравоохранения Китая 20 января 2020 г. законодательно классифицировала COVID-19 как инфекционное заболевание типа В [Li et al. 2020, 3]. В г. Ухань стали более оперативно применять тестирование и изолировать больных и контактирующих с ними, отслеживать их контакты, в том числе с помощью мобильных приложений [Tang et al. 2020, 642–643]. 23 января 2020 г. с в городе был введен карантин (закрыты въезды и выезды из города, остановлен общественный транспорт, ограничены перемещения внутри районов и микрорайонов, а три дня спустя запрещено передвижение личного транспорта)¹⁰. На 27 января в городе, по официальным данным, больных было более 2800 человек, а умерших — 81. Далее за сутки количество зараженных выросло на треть, погибших — в 1,5 раза. 24 января Хубэй и еще 13 провинций, а за ними другие провинции и автономные районы (последним Тибет — 29 января) ввели 1-й уровень реагирования (чрезвычайная ситуация). Власти в провинциях и на местах получили полномочия запрашивать дополнительные ресурсы, координировать лечение, проводить расследования в зоне эпидемии, объявлять зоны эпидемического контроля, автономно публиковать информацию и отчеты.

⁹ Xi Jinping Faces China's Chernobyl Moment // Financial Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/6f7fdbae-4b3b-11ea-95a0-43d18ec715f5> (дата обращения: 15.11.2021).

¹⁰ Wuhan City Novel Coronavirus Prevention and Control Command Center Announcement 2020. №9 // State Council [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-01/25/content_5472165.htm (дата обращения: 26.11.2021).

В Ухане жителям не разрешалось покидать жилища без разрешения [Qian, Hanser 2021, 57]. Жесткий карантин в г. Ухань осуществлялся с помощью охранников и волонтеров; закрытие границ и контроль на дорогах провинции Хубэй осуществляли военнослужащие НОАК и полиция.

Изоляция в г. Ухань с 23.01.2020 — самый строгий городской карантин в истории. Наряду с контролем по всей провинции Хубэй (60 млн жителей) это значительно снизило распространение коронавируса [Yang, Peng 2020]. 27 января в Ухань приезжал премьер-министр Ли Кэцян. Центральное правительство выделило из бюджета 300 млн юаней (43,2 млн долл.) на борьбу с коронавирусом в г. Ухань, в том числе на строительство и оснащение двух специализированных больниц на 2,3 тыс. пациентов. Шел и общественный сбор средств на помощь медикам и населению города.

Этот карантин нелегко переносился жителями. Бессонница, потеря аппетита, слезы, зависимость от чтения новостей в социальных сетях, мысли о том, кто же позаботится об их иждивенцах, если они сами умрут, — эти эмоции описали респонденты, которых опрашивали специальные службы. По программе Peace of Mind психологи проводили по мобильной связи специальные тренинги психологической самопомощи [Liu et al. 2020b, 184–185]. Многие не могли поверить в возможность блокировки многомиллионного города [Jue 2021].

Пик заболеваний COVID-19 в Китае пришелся на 12 февраля (более 15 тыс. заболевших)¹¹. Смертность от COVID-19 составила в среднем по Китаю 3,8% от числа инфицированных: от 5,8% в Ухане и до 0,7% в других провинциях [Liu et al. 2020a].

III этап (21 февраля–17 марта 2020). По мере распространения вируса все большее число медиков, социальных работников, организаторов здравоохранения вовлекались в борьбу с COVID-19. В Китае работе медиков придавалось особое значение, их воспринимали как национальных героев, военные отдавали им честь¹². В Ухань приехали 42 тыс. медиков, став «ударным звеном»¹³. Но условия и результаты их самоотверженной работы зависели также от оперативности и координационной способности ЦПГ, партийных организаций, министерств и власти на местах, всех сил, обеспечивающих карантин (армия, полиция, силы безопасности), производителей оборудования, кислорода, средств защиты, информационных центров, волонтеров. И все это замыкалось на органах местного самоуправления, включая районы и кварталы.

7 марта 2020 г. Министерство здравоохранения определило новый Протокол профилактики и борьбы с COVID-19¹⁴. Совместная международная миссия по борьбе с COVID-19, находившаяся в Китае, отмечала, что в КНР проведена «крупнейшая в мире кратковременная эпидемиологическая операция»¹⁵. К медикам с оценкой их труда 10 марта 2020 г. обратился председатель КНР Си Цзиньпин, лично инспектировавший Ухань.

IV этап (18 марта–28 апреля 2020). С 19 марта в г. Ухань и провинции Хубэй стали фиксировать «нулевую» заболеваемость. В течение 7 дней на остальной территории не фиксировались случаи заболевания. 25 марта 2020 г. в провинции Хубэй были сняты ограничения

¹¹ Коронавирус: статистика // Яндекс [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat#world> (дата обращения: 18.10.2021).

¹² Coronavirus disease (COVID-19) outbreak: rights, roles and responsibilities of health workers, including key considerations for occupational safety and health // World Health Organization [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/who-rights-roles-respon-hw-covid-19.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

¹³ Xijīn píng: zài tóngchóu tuījīn xīn guānfēiyán yìqīng fāngkòng hé jīngjì shèhuì fāzhǎn gōngzuò bùshǔ huìyì shàng de jiǎnghuà, 2020 nián 2 yuè 23 rì (Си Цзиньпин: Выступление на конференции по координации профилактики и борьбы с эпидемией Covid-19 и разворачиванию работы в области экономического и социального развития. 23 февраля 2020 г.) // Guóbùwuyuàn [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-02/24/content_5482502.htm (дата обращения: 10.12.2021).

¹⁴ Fighting COVID-19: China in Action // xinhuanet [Электронный ресурс]. URL: http://xinhuanet.com/english/2020-06/07/c_139120424.htm (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁵ Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // WHO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/who-china-joint-mission-on-covid-19-final-report.pdf> (дата обращения: 12.11.2021).

на передвижения, за исключением г. Ухань. 7 апреля 2020 г. Ухань был открыт для въезда и выезда, разрешены внутренние перемещения. В больницах города прошли церемонии прощания с медиками, погибшими от вируса COVID-19. После преодоления экстремального состояния городской жизни и работы больниц 17 апреля городской штаб по профилактике эпидемии COVID-19 и контролю за распространением болезни скорректировал статистику подтвержденных случаев заболевания и число смертельных исходов среди заразившихся. По обновленным данным, на вечер 16 апреля в городе всего было зафиксировано 50 333 заболевших и 3869 умерших. Это превышало на 325 число заболеваний и на 1290 число смертей, установленных ранее. Уточнения были внесены после проверки всей статистики в соответствии с «принципом ответственности за людей и историю» [Liu et al. 2020a].

Расхождения в данных объяснялись так. Во-первых, некоторые умершие не были учтены, так как скончались дома, не обратившись в больницы. Отдельные данные также были неполными или дублировались. Во-вторых, в период наибольшей нагрузки на медучреждения, когда врачи занимались реанимацией тяжелых больных, они не всегда вовремя отчитывались о числе заболевших и умерших, допускали ошибки в подсчетах. В-третьих, некоторые медицинские учреждения (например, частные больницы) не были сразу подключены к общей сети информирования и не смогли своевременно предоставлять данные¹⁶.

В этап (29 апреля–31 мая 2020). В «Белой книге» отмечено, что КНР перешла с 29 апреля из состояния «народной войны» в режим «профилактики и контроля», когда новые случаи заболевания уже случались редко и измерялись единицами. Этот этап длился до 7 июня, когда уровень опасности был обозначен уже как 4-ый, то есть близкий к нормальному с небольшими ограничениями. Для сравнения: в США 29.04.2020 заболело 26 221 человек, а вообще в апреле 2020 г. заболело в день более 34 тыс. человек¹⁷. С 22 мая по 31 мая 2020 г. работала сессия Всекитайского собрания народных представителей, где было заявлено о нормализации эпидемиологической ситуации в г. Ухань, провинции Хубэй и стране в целом. В своем докладе председатель правительства Ли Кэцян подвел итоги «народной войны» с опасным вирусом, отметив недостатки управления в системе здравоохранения и работе медучреждений, организации карантина в г. Ухань и статистической отчетности.

Опыт борьбы с COVID-19 в г. Ухань послужил уроком для всех регионов Китая, а также для всего мира. Конечно, Китай применял не только административно-санитарные ограничения. Были разработаны соответствующие медицинские протоколы, испытывались вакцины Sinopharm и Sinovac. Но экстренная вакцинация в г. Ухань была запущена позднее: по данным Синьхуа, с декабря 2020 г.¹⁸ И только на 4 мая 2021 г. в Пекине, например, было вакцинировано 14,5 млн человек¹⁹. Медики дали положительную оценку проведению карантина в г. Ухань: он помог выиграть время и уберечь медицинские учреждения на других территориях от перегрузки [Tang et al. 2020, 289]. За это время подготовили также электронные средства контроля. Для каждого жителя Китая введен «код здоровья» (QR-код в телефоне каждого человека на территории страны) и единая карточка перемещения. Они подключены к данным мобильных операторов; посещение ими разных учреждений фиксируется камерами. Благодаря приложениям,

¹⁶ В г. Ухань откорректировано количество подтвержденных случаев заболевания и летальных случаев от COVID-19 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cetm/rus/zgyw/t1770989.htm> (дата обращения: 17.10.2021).

¹⁷ Коронавирус: статистика // Яндекс [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat?win=497#vaccinations> (дата обращения: 27.10.2021).

¹⁸ В Ухане началась кампания экстренной вакцинации от коронавируса // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10371779> (дата обращения: 29.10.2021).

¹⁹ Общество в приоритете: стратегия Китая в борьбе с COVID // РИА Новости. 12.05.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210512/strategiya-1731999833.html> (дата обращения: 23.11.2021).

которые помогли создать IT-компании Китая, отслеживаются маршруты граждан; код и карточка меняют цвет, в зависимости от ситуации, с зеленого на желтый или красный, фиксируя состояние здоровья, контакты с инфицированными, посещение опасных зон.

Правительство Китая отметило значительный вклад интернет-компаний в борьбу с распространением эпидемии. Китайские IT-гиганты Tencent, Alibaba, Baidu, ZTE, iFLYTEK и JD.com предоставили свои технологии обработки и использования массивов больших данных, искусственного интеллекта и связи 5 поколения (5G) для удаленного мониторинга, диагностирования и предоставления медицинских, информационных и сервисных услуг²⁰.

Мобилизационные механизмы, своевременно обеспечившие проведение в целом эффективного карантина в г.Ухань, сыграли решающую роль в остановке массового распространения нового коронавируса. Исследование удовлетворенности жителей после наиболее острой фазы COVID-19 в городе (опрос, проведенный с 22 по 28 апреля 2020 г.) показывает, что успех государственного управления и местного самоуправления в экстренной ситуации усилил общественную поддержку китайского правительства и КПК, поднял доверие ко всем уровням управления. Авторы исследования сделали вывод, что граждане в целом имеют высокий уровень удовлетворенности, правда, эта удовлетворенность снижается по отношению к более низким уровням государственного управления, что объясняется как политической культурой, так и действиями властей [Wu 2021, 5–6].

Мобилизационный механизм местного самоуправления г. Ухань

Успех в борьбе с COVID-19 в г.Ухань в немалой степени объясняется действием общественно-государственных мобилизационных механизмов на уровне местного самоуправления. История формирования таких механизмов начиналась в конце 1970-х гг., когда КПК приступила к реформам под руководством Дэн Сяопина. На основе территориальных общин (шэцзюй — shèqū) создавались комитеты жителей, на которые распространялось влияние партийных организаций на местах [Tang 2018]. «Новое дыхание» эта система получила в провинции Чжэцзян, где вводилась инновационная модель «сетевое управление», в том числе в городских районах, где возникло много жилых комплексов, находящихся в частном управлении, участились конфликты между соседями, домовладельцами, компаниями по управлению недвижимостью [Tang 2020].

Шэцзюй дополнительно делятся на более мелкие единицы самоуправления, состоящие из улиц или кварталов. Единицы самоуправления могли включать несколько жилых зданий и даже отдельные многоэтажные дома. Такой эксперимент проходил в городах или вокруг них в провинции Чжэцзян в начале 2000-х гг. (Си Цзиньпин в 2002–2007 гг. возглавлял административные, законодательные, партийные органы провинции). На этом этапе предполагалось воплотить идею совместного управления, усилить управляемость, соединяя местное самоуправление и государственное управление, включающее взаимодействие избираемого жителями комитета (района, улицы, квартала) с партийной ячейкой. Подобный опыт стал распространяться на всю страну, когда Си Цзиньпин был избран Генеральным секретарем ЦК КПК (конец 2012 г.). Наряду с местными органами государственного управления в такое соуправление включались также владельцы крупных частных домовладений [Ibid.].

²⁰ Кулинцев Ю. Опыт Китая в борьбе с эпидемией COVID-19: хронология событий и предпринимаемые меры // РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-borbe-s-epidemiey-covid-19-khronologiya-sobytyi-i-predprinimaemye-mery/> (дата обращения: 23.11.2021).

Модернизированная система шэцью с 2010 г. оснащалась мобильными (сетевыми) платформами для информирования, координации и общественного контроля [Tu 2016]. Она включала обратную связь и стимулировала включенность «снизу вверх» и «сверху вниз», что является важной чертой так называемого «консультативного авторитаризма» и фактором устойчивости авторитарной системы [Jue 2021]. С. Вудман характеризует комитеты жителей как форму «социализированного управления», способ государственного мониторинга и контроля, а также средство для обычных граждан предъявлять требования правительству. Хотя комитеты локализованы и не всегда эффективны на практике, тем не менее являются ключевой точкой соприкосновения между жителями города и китайским государством [Woodman 2016]. Ранее Дж. Титс отмечала, что в системе «консультативного авторитаризма» мы обнаруживаем, что автономное гражданское общество может оперативно существовать и развиваться внутри авторитарного режима Китая [Teets 2013].

Так, функции традиционной территориальной общины (шэцью) дополнялись идейным руководством со стороны местной ячейки КПК, самоуправлением на уровне комитетов жителей (уличных, квартальных). Во главе последних стоят назначенные низовые функционеры (*grass-roots officials*); эти обязанности по совместительству мог исполнять также руководитель местной ячейки КПК. К такому функционалу добавились мобильные платформы как механизм связи, информирования, веб-организации, консолидации, а также выполнения функций социальной помощи и «цифровой бдительности» (выявление заболевших, а также нарушителей санитарных правил и их общественное осуждение). Помощь оказывали также волонтеры, использующие такие платформы для оказания услуг жителям, что помогло местному самоуправлению в крупных китайских городах стать эффективным мобилизационным механизмом. Опыт г. Ухань способствовал приспособлению к нуждам карантина, например, популярного приложения WeChat, которое ранее прочно интегрировалось в повседневную жизнь (покупки, услуги, новости, связь со знакомыми) [Plantin, de Seta 2019, 258]. Приложение было включено в новую систему управления сетями. Активисты создавали группы WeChat в каждом здании и становились контактным лицом для связи внутри группы, а также группы с администрацией в модернизированной системе управления шэцью. Опора на группы WeChat стала центральной в волонтерской и общественной работе [Pan 2020]. Помимо организации покупок, оплаты коммунальных услуг, распределения бесплатных услуг, эти группы стали элементом самоуправления шэцью, помогающим осуществлять вызов медиков, предоставлять психологическую помощь больным и одиноким, набирать волонтеров, в том числе для добровольной работы охранниками для обеспечения карантина [Jue 2021]. Респонденты в г. Ухань в интервью говорили, что эмоциональная близость и общение с соседями онлайн в группах WeChat обеспечили жителям установление социальных контактов, что снижало чувство одиночества и тревоги в условиях беспрецедентной изоляции [Pan 2020].

В уханьских событиях механизмы шэцью выявили дополнительные параметры эффективной мобилизации. Функции комитетов жителей в экстремальных условиях расширились. Особенно важную роль играли приложения для индивидуальных мобильных устройств связи. Подобные структуры и функционал шэцью были эффективными при осуществлении набора волонтеров. Это показывал еще предыдущий опыт борьбы с эпидемией SARS 2003 г. [Wolf 2016]. В 2020 г. вырос масштаб участия волонтеров в контроле за соблюдением ограничений мобильности жителей конкретных кварталов [Yan, Schroeder 2020, 318].

В г. Ухань насчитывалось более 10 тыс. подобных мелких единиц самоуправления со своими сетями. Во главе каждой стоял низовой функционер («сетевой контролер»), снабженный мобильной связью с соответствующими приложениями и отвечающий за группу примерно

от 600 до 1 тыс. жителей. В условиях карантина такие контролеры обеспечивали руководство доставкой еды, лекарств, остро необходимых услуг. Один из таких функционеров — Том Дин, член КПК; последние 5 лет он работал «сетевым контролером» в уханьском городском районе Цзянань (всего в Ухане 12 тыс. таких работников) и так вспоминал о COVID-19: «В течение последних 50 дней ... я заканчивал свою работу в полночь с опухшими ногами и тремя полностью разряженными батареями питания мобильных телефонов»²¹.

Шэцзюй в их модернизированном виде (взаимодействие комитетов жителей, партийных ячеек, мобильной связи с соответствующими платформами) в г. Ухань смогли органично включить усилия граждан в мобилизационные механизмы, затронувшие все население. С их помощью местные организации КПК, правительство провинции и руководство города преодолели дезорганизацию, проявления первоначальной паники у жителей, подняли дух и настроение, ориентируя на последовательное противостояние пандемии.

Заключение

Меры руководства Китая помогли обществу осознать угрозы безопасности, предотвратить пагубные последствия стихийности. Своевременно мобилизовав все звенья управления и сообщества в г. Ухань, правительство выделило финансовые, материальные, организационные, кадровые ресурсы, поддержало духовный настрой жителей на противостояние опасному вирусу. В результате повысился авторитет органов власти и управления всех уровней, добившихся сплоченности общин. Практика руководства КПК в целом воспроизводит ряд положений теории секьюритизации и «консультативного авторитаризма», когда действия шэцзюй в Китае, особенно в экстремальных ситуациях, переплетается с мерами и функциями государственного управления так, что жители поддерживают государственную власть, верят ей, а не оспаривают ее.

Введение масштабного карантина в г. Ухань в 2020 г. учитывало опыт преодоления пандемии SARS 2003 г. Это помогло медикам, органам власти и управления, общественности усовершенствовать модель развертывания мобилизационных механизмов в условиях COVID-19. Успех в г. Ухань помог выиграть время для испытания вакцин и перехода к массовой вакцинации. И эта модель административных ограничений, в свою очередь, в дальнейшем применялась в Китае при других, хотя и менее масштабных вспышках инфекционных заболеваний. Так формируется соответствующий «банк» опыта мобилизации в чрезвычайных ситуациях в сфере здравоохранения.

Успехи в борьбе с пандемией связаны с раскрытием потенциала мобилизационных механизмов на всех уровнях государственного управления и самоуправления во всем Китае. Однако в силу ситуационного распространения вируса уровень местного самоуправления в г. Ухань сыграл решающую роль в осуществлении карантина, помощи медикам, обеспечении людей жизненно необходимыми услугами.

Опыт показывает, что взаимодействие органов местного управления и местного самоуправления помогает задействовать при карантине богатый арсенал мобилизационных механизмов, в том числе сети местных территориальных учреждений, включая комитеты жителей, компании по управлению имуществом, ассоциации домовладельцев и добровольцев. Такое преимущество китайской системы управления на местах признается даже критиками, например, при сравнении с Италией, где за неимением подобных институтов мобилизовали только армию и полицию, ресурсы которых оказались недостаточными; или с регионами США, где местные

²¹ Zheng W. Grass-roots officials take lead role on the front line of Wuhan's grid-by-grid battle against coronavirus // South China Morning Post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3075453/grass-roots-officials-take-lead-role-front-line-wuhans-grid-grid> (дата обращения: 25.10.2021).

органы власти, ограничивая действия полицейского персонала в патрулировании окрестностей, только пропагандировали социальное дистанцирование и призывали к индивидуальной ответственности [Ren 2020].

Важное звено мобилизационных механизмов местного самоуправления — соединение ресурсов территориальных общин шэцзюй с возможностями комитетов жителей во главе с низовыми функционерами и низовых организаций КПК. Несмотря на определенные трения при распределении полномочий, такое соединение в экстремальных условиях зимы–весны 2020 в г. Ухань сыграло ключевую роль в организации карантина и мотивации людей на участие в борьбе с COVID-19. Жители, как свидетельствуют исследования, часто воспринимали свои действия как «самоуправление» (zìzhì). Если судить по опросам жителей, они осознанно поддержали меры беспрецедентного по масштабам карантина, проявили терпение и дисциплинированность, посильно участвовали во взаимопомощи и самоорганизации, поддержке действий администраций, охранников, полиции, медучреждений.

Сыграл свою роль и такой важный элемент мобилизационного механизма шэцзюй, как интеграция мобильной связи и соответствующих платформ в систему самоуправления. Сетевое управление стало более мобильным, оперативным и эффективным. Возрос и уровень мобильного контроля (вигитализма, «цифровой бдительности») не только властей, но и жителей, что в экстремальных условиях оказало мобилизующее и корректирующее воздействие на соблюдение правил карантина, эффективность низовых функционеров, активность волонтеров, которые набирались в том числе из членов шэцзюй.

Дальнейшие исследования должны определить, насколько опыт г. Ухань в развертывании мобилизационных механизмов местного самоуправления, во многом опиравшийся на политическую культуру конфуцианства и легизма («консультативного авторитаризма»), может быть полезен для других стран, в том числе Индии, России и других стран СНГ, некоторых европейских государств.

Список литературы:

Ван Я., Капицын В. Территориальное управление и самоуправление в Китае // Самоуправление. 2013. № 4. С. 42–45.

Демчук А.Л., Капицын В.М., Каратеев А.Ю., Емельянова Н.Н., Дашкина И.В., Пашин М.М., Колесников С.И. Возможности количественного анализа взаимосвязи тяжести пандемии COVID-19 и институциональных характеристик стран мира // Acta Biomedica Scientifica. 2021. Т. 6. № 6–2. С. 133–144. DOI: <https://doi.org/10.29413/ABS.2021-6.6-2.14>.

Ерохина Л.Д., Чжан Хай Лунь. Трансформация социальной структуры городов Китая в условиях урбанизации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 2. С. 51–55. DOI: [10.24158/spp.2018.2.9](https://doi.org/10.24158/spp.2018.2.9).

Зайцев А.В. Гражданское общество и делиберативная демократия в Китае // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1. С. 35–46.

Кашин В.Б., Смирнова В.А., Аксенов И.В. Информационно-политическое измерение эпидемического кризиса COVID-19 в Китае // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 1. С. 27–41. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-27-41>.

Котельникова Т.В. Исследование территориальных общин в современной китайской науке // Вестник Читинского государственного ун-та. 2010. № 2(59). С. 141–148.

Huang Y., Smith Ch.J. China's Response to Pandemics: From Inaction to Overreaction // Eurasian Geography and Economics. 2010. Vol. 51. Is. 2. P. 162–183. DOI: <https://doi.org/10.2747/1539-7216.51.2.162>.

- Jue J. A Question of Human Rights or Human Left? The «People's War against COVID-19» under the «Gridded Management» System in China // Journal of Contemporary China. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2021.1985827>.
- Li S., Wang Y., Xue J., Zhao N., Zhu T. The Impact of COVID-19 Epidemic Declaration on Psychological Consequences: A Study on Active Weibo Users // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. Is. 6. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17062032>.
- Liu Q., Luo D., Haase J.E., Guo Q., Wang X.Q., Liu S., Xia L., Liu Zh., Yang J., Yang B.X. The Experiences of Health-Care Providers during the COVID-19 Crisis in China: A Qualitative Study // The Lancet Global Health. 2020a. Vol. 8. Is. 6. P. e790–e798. DOI: [10.1016/S2214-109X\(20\)30204-7](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30204-7).
- Liu Zh., An Yu., Wu K. China's Mental Health Interventions During the COVID-19 Outbreak // Psychology in Russia: State of the Art. 2020b. Vol.13. Is.4. P. 183–190.
- Pan J. Temporality Alignment: How WeChat Transforms Government Communication in Chinese Cities // Chinese Journal of Communication. 2020. Vol.13. Is. 3. P.241–257. DOI: <https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1679855>.
- Plantin Jean-Ch., de Seta G. WeChat as Infrastructure: The Techno-Nationalist Shaping of Chinese Digital Platforms // Chinese Journal of Communication. 2019. Vol.12. Is. 3. P.257–273. DOI: <https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1572633>.
- Qian Y., Hanser A. How did Wuhan Residents Cope with a 76-Day Lockdown? // Chinese Sociological Review. 2020. Vol.53. Is.2. P. 55–86. DOI: <https://doi.org/10.1080/21620555.2020.1820319>.
- Ren X. Pandemic and Lockdown: A Territorial Approach to COVID-19 in China, Italy and the United States // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 61. Is. 4–5. P. 423–434. DOI: <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1762103>.
- Tang B. China's Housing Middle Class: Changing Urban Life in Gated Communities. London: Routledge, 2018.
- Tang B. Grid Governance in China's Urban Middle-Class Neighbourhoods // The China Quarterly. 2020. Vol. 241. P. 43–61. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305741019000821>.
- Tang B., Xia F., Tang S., Bragazzi N.L., Li Q., Sun X., Liang J., Xiao Y., Wu J. The Effectiveness of Quarantine and Isolation Determine the Trend of the COVID-19 Epidemics in the Final Phase of the Current Outbreak in China // International Journal of Infectious Disease. 2020. Vol. 96. P. 636–647. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijid.2020.05.113>.
- Teets J.C. Let Many Civil Societies Bloom: The Rise of Consultative Authoritarianism in China // The China Quarterly. 2013. Vol. 213. P. 19–38. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305741012001269>.
- Tu F. WeChat and Civil Society in China // Communication and the Public. 2016. Vol. 1. Is. 3. P. 343–350. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057047316667518>.
- Wang Zh. With the Rise of China, What's New for Comparative Politics? // Chinese Political Science Review. 2016. Vol. 1. Is. 3. P. 506–521. DOI: [10.1007/s41111-016-0035-x](https://doi.org/10.1007/s41111-016-0035-x).
- Wolf M. Rethinking Urban Epidemiology: Natures, Networks and Materialities: Rethinking Urban Epidemiology // International Journal of Urban and Regional Research. 2016. Vol. 40. Is. 5. P. 958–982. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12381>.
- Woodman S. Local Politics, Local Citizenship? Socialized Governance in Contemporary China // The China Quarterly. 2016. Vol. 226. P. 342–362. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305741016000345>.
- Wu C., Shi Zh., Wilkes R., Wu J., Gong Zh., He N. et al. Chinese Citizen Satisfaction with Government Performance during COVID-19 // Journal of Contemporary China. 2021. Vol. 30. Is. 132. P. 930–944. DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2021.1893558>.

Xia M. Social Capital and Rural Grassroots Governance in China // Journal of Current Chinese Affairs. 2011. Vol. 40. Is. 2. P. 135–163. DOI: <https://doi.org/10.1177/186810261104000206>.

Xú Y. Chéngxiāng shèqū jiànshè lǐlùn de zǒngtǐ gàishù. (Общий обзор теории строительства городских и сельских общин). Wūhàn: Húběi kēxué jìzhōu qiūbān shè, 2008.

Yan P., Schroeder R. Variations in the Adoption and Use of Mobile Social Apps in Everyday Lives in Urban and Rural China // Mobile Media & Communication. 2020. Vol. 8. Is. 3. P. 318–341. DOI: <https://doi.org/10.1177/2050157919884718>.

Yang X., Peng L. Focusing on Health-Care Providers' Experiences in the COVID-19 Crisis // The Lancet Global Health. 2020. Vol. 8. Is. 6. P. E740–E741. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30214-X](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30214-X).

References:

Demchuk A.L., Kapitsyn V.M., Karateev A.Yu., Emelyanova N.N., Dashkina I.V., Pashin M.M., Kolesnikov S.I. (2021) The Possibilities of Quantitative Analysis of the Relationship Between the Severity of the COVID-19 Pandemic and the Institutional Characteristics of the Countries of the World. *Acta Biomedica Scientifica*. Vol. 6. No. 6–2. P. 133–144. DOI: <https://doi.org/10.29413/ABS.2021-6.6-2.14>.

Erokhina L.D., Chjan Khaj Lun (2018) Transformation of the Social Structure in the Chinese Cities in the Context of Urbanization. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. No. 2. P. 51–55. DOI: [10.24158/spp.2018.2.9](https://doi.org/10.24158/spp.2018.2.9).

Huang Y., Smith Ch. J. (2010) China's Response to Pandemics: From Inaction to Overreaction. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 51. Is. 2. P. 162–183. DOI: <https://doi.org/10.2747/1539-7216.51.2.162>.

Jue J. (2021) A Question of Human Rights or Human Left? The «People's War against COVID-19» under the «Gridded Management» System in China. *Journal of Contemporary China*. DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2021.1985827>.

Kashin V.B., Smirnova V.A., Aksenov I.V. (2020) Political Aspects of COVID-19 Epidemic Crisis in China. *Mezhdunarodnaya analitika*. Vol. 11. No. 1. P. 27–41. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-27-41>.

Kotelnikova T.V. (2010) Study of Communities in Contemporary Chinese Science. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo un-ta*. No. 2(59). P. 141–148.

Li S., Wang Y., Xue J., Zhao N., Zhu T. (2020) The Impact of COVID-19 Epidemic Declaration on Psychological Consequences: A Study on Active Weibo Users. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. Is. 6. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17062032>.

Liu Q., Luo D., Haase J.E., Guo Q., Wang X.Q., Liu S., Xia L., Liu Zh., Yang J., Yang B.X. (2020a) The Experiences of Health-Care Providers during the COVID-19 Crisis in China: A Qualitative Study. *The Lancet Global Health*. Vol. 8. Is. 6. P. e790–e798. DOI: [10.1016/S2214-109X\(20\)30204-7](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30204-7).

Liu Zh., An Yu., Wu K. (2020b) China's Mental Health Interventions During the COVID-19 Outbreak. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 13. Is. 4. P. 183–190.

Pan J. (2020) Temporality Alignment: How WeChat Transforms Government Communication in Chinese Cities. *Chinese Journal of Communication*. Vol. 13. Is. 3. P. 241–257. DOI: <https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1679855>.

Plantin Jean-Ch., de Seta G. (2019) WeChat as Infrastructure: The Techno-Nationalist Shaping of Chinese Digital Platforms. *Chinese Journal of Communication*. Vol. 12. Is. 3. P. 257–273. DOI: <https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1572633>.

Qian Y., Hanser A. (2020) How did Wuhan Residents Cope with a 76-Day Lockdown? *Chinese Sociological Review*. Vol. 53. Is. 2. P. 55–86. DOI: <https://doi.org/10.1080/21620555.2020.1820319>.

- Ren X. (2020) Pandemic and Lockdown: A Territorial Approach to COVID-19 in China, Italy and the United States. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 61. Is. 4–5. P. 423–434. DOI: <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1762103>.
- Tang B. (2018) *China's Housing Middle Class: Changing Urban Life in Gated Communities*. London: Routledge.
- Tang B. (2020) Grid Governance in China's Urban Middle-Class Neighbourhoods. *The China Quarterly*. Vol. 241. P. 43–61. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305741019000821>.
- Tang B., Xia F., Tang S., Bragazzi N.L., Li Q., Sun X., Liang J., Xiao Y., Wu J. (2020) The Effectiveness of Quarantine and Isolation Determine the Trend of the COVID-19 Epidemics in the Final Phase of the Current Outbreak in China. *International Journal of Infectious Disease*. Vol. 96. P. 636–647. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijid.2020.05.113>.
- Teets J.C. (2013) Let Many Civil Societies Bloom: The Rise of Consultative Authoritarianism in China. *The China Quarterly*. Vol. 213. P. 19–38. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305741012001269>.
- Tu F. (2016) WeChat and Civil Society in China. *Communication and the Public*. Vol. 1. Is. 3. P. 343–350. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057047316667518>.
- Wang Yao, Kapitsyn V. (2013) Territorial Management and Self-Government in China. *Samoupravlenie*. No. 4. P. 42–45.
- Wang Zh. (2016) With the Rise of China, What's New for Comparative Politics? *Chinese Political Science Review*. Vol. 1. Is. 3. P. 506–521. DOI: [10.1007/s41111-016-0035-x](https://doi.org/10.1007/s41111-016-0035-x).
- Wolf M. (2016) Rethinking Urban Epidemiology: Natures, Networks and Materialities: Rethinking Urban Epidemiology. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 40. Is. 5. P. 958–982. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12381>.
- Woodman S. (2016) Local Politics, Local Citizenship? Socialized Governance in Contemporary China. *The China Quarterly*. Vol. 226. P. 342–362. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305741016000345>.
- Wu C., Shi Zh., Wilkes R., Wu J., Gong Zh., He N. et al. (2021) Chinese Citizen Satisfaction with Government Performance during COVID-19. *Journal of Contemporary China*. Vol. 30. Is. 132. P. 930–944. DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2021.1893558>.
- Xia M. (2011) Social Capital and Rural Grassroots Governance in China. *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol. 40. Is. 2. P. 135–163. DOI: <https://doi.org/10.1177/186810261104000206>.
- Xú Y. (2008) *Chéngxiāng shèqū jiànshè lǐlùn de zǒngtǐ gàishù* [General review of theory of forming city and rural communities]. Wǔhàn: Húběi kēxué jìzhōu qiūbān shè, 2008.
- Yan P., Schroeder R. (2020) Variations in the Adoption and Use of Mobile Social Apps in Everyday Lives in Urban and Rural China. *Mobile Media & Communication*. Vol. 8. Is. 3. P. 318–341. DOI: <https://doi.org/10.1177/2050157919884718>.
- Yang X., Peng L. (2020) Focusing on Health-Care Providers' Experiences in the COVID-19 Crisis. *The Lancet Global Health*. Vol. 8. Is. 6. P. E740–E741. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30214-X](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30214-X).
- Zaitsev A.V. (2020) Civil Society and Deliberative Democracy in China. *Mir russkogovoryashchikh stran*. No. 1. P. 35–46.

Дата поступления/Received: 18.12.2021